

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАНТАЗИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАНТАЗИИ

ДИЛЕТАНТОВ

Спектакль поставлен по прекрасному роману прекрасного поэта, писателя и человека Булата Окуджавы — шестидесятник, романтик, гуманист. Роман называется «Путешествие дилетантов». Он был написан в свое время в журнале «Дружба народов», а через его лет десять тому назад. И, несмотря на то, что он был официально напечатан, а его читал как диссидентский. Мне казалось, что роман написан прекрасным удивительным русским языком, но заповески: а нем тайно существуют какая-то другая мысль, взгляд на события, о которых автор рассказывает. Мне сразу захотелось поставить этот роман, в котором звучит nostalgia по свободе, существованию вне всех государственных установок, регламентирующей человеческую жизнь, но я тогда испугался сложности романа — он написан в эпистолярной жанре, полон размышлений. Не желая решения для перевода его на сцену, но он остался в душе и в сознании. И сегодня, чисто случайно, когда мне подарили роман, вновь изданный, это идея сожгла. Я забыл про роман и стал работать над переводом его для сценического пространства.

Когда режиссер сотрудничает с материалом, он своей сущностью влияет на него. Так точно и материал влияет на настроение, взгляды. И сейчас я планирую спектакль, эти идеи. Надо сказать, что к моменту начала работы над инсценировкой все прежние институты государства, общественной жизни, которые регламентировали ее, умерли, и казалось бы, зачем же тогда ставить этот роман, если предательства, которые оградили нашу жизнь, светлые исторически! Но мне это важно. Мне важно, чтобы люди почувствовали, сколько мы оставили по дороге к свободе и независимости, какой страшной трагической цене этой свободы. И мне хотелось бы, чтобы люди осознали сегодня цену этой наступившей возможности свободы. Осуществим ли мы ее — это очень большая проблема. Мне кажется, что попытка героя романа обрести эту свободу очень интересна и очень значительна, поскольку для меня обретение этой свободы является трагическим актом. Осуществить эту возможность можно только на уровне глобального разрыва с обществом, государством, родственниками, со всеми близкими. Это не разрыв с прошлым — это разрыв с тем реальным, которое там и ныне мою свободу ущемляет.

Всю жизнь человек живет и мечтает, чтобы каким-то образом ощущать некий исторический процесс; мне хочется ощущать его, участвовать в этом историческом процессе. Наш театр пытается работать в этом направлении, но в лично никогда не представлял, что стану участником такой глобальной исторической смены, какая произошла у нас в стране. Она дает надежду на будущее, и, тем не менее, сегодняшний реальный процесс — это всего лишь процесс умирания. Это тотально, сплошное умирание прежней жизни. Я иногда это себе представляю как эпизольные погроны. Как человек будет существовать после этого всеобщего умирания,

кто продолжит эту жизнь и в каком качестве — для меня загадка. Очень интересно Булат Окуджавы решает в своем романе проблему умирания старого. Одной из загадок для меня является то, что смерть является только Императору, что для Булата Окуджавы один человек как бы имеет конечность бытия: Император умер навсегда, умерли его дух, его плоть; образ смерти как бы фиксирует абсолютное исчезновение энергии, силы, воли этого человека. Он не превращается в прах — он в небитые ходит. А главные герои, несмотря на то, что тоже умирают, имеют продолжение: их сущность, их души, пусть в другом пространстве, но продолжительность, ибо в нас сознание имеет стремление к вечному, непреходящему, и, несмотря на внешний, достаточно драматический, характер жизни, главные герои — он и она — единственны, кто по большому счету одержали победу в этой жизни: они обрели себя. Поэтому мне хочется сказать людям, какое же это мужество и какое это может быть наслаждение, пусть трагическое — ощутить эту свободу.

Но одно дело — познать истину, а другое — пребывать в ней. Мы все знаем на сегодняшний день истину нашего существования, нашей трагедии. Мир идей Окуджавы мне наиболее близок сегодня. Если бы я не начал работать над инсценировкой, мое сознание не было бы сфокусировано в эту сторону. Он меня мощно вырвал из мира идей Достоевского, потому что я в то время работал над «Бесами» и оказался под сильным воздействием этого романа. Я стал его бояться, бояться самого себя через «Бесов». Он возвращает к самому себе и рассматривает человека с таких вычужденных критериев, что ты видишь громадную дистанцию, начинаешь чувствовать и понимать, что ты тоже грезовен и, в другом плане, чем Ставрогин, но также отступился от себя и от Бога; может быть, и от близких своих. А Достоевский не предлагает никакого выхода — только лишь покаяние и смерть. Эти два выхода в реальной жизни не могут продолжить эту жизнь. Роман Окуджавы вырвал меня из плена этого тупика. Хотя бы в области фантазии и воображения я увидел какой-то свет, и этим мне хочется поделиться со зрителем, с тем, кто ищет надежду и свет. Я уверен: у нас могут быть разные ценности и ориентации, но каждый хочет жить, куда ему идти в этой жизни и что там, за поворотом, и хочет, чтобы все-таки там что-то доброе, человеческое ожидало, а не агрессивное. В Путешествии дилетантов тоже есть один из мотивов дороги человеческой, дороги жизни, путешествия по этой дороге — путешествия в одиночку, чтобы сосредоточиться и осознать эту дорогу, и путешествия к людям. Главные герои сначала хотят вырваться из плена окружающей, а затем живут будто бы в одиночку, но разделяют судьбу Человека, а не только себя. Из этого они обретают мужество жить, и жить прекрасно. А чтобы жить прекрасно, надо иметь очень большое мужество.

Александр ДЗЕМУН

Губокоубамаемый Александр Иванович!

Я получил из театра и артистки, и газетчик, и, самое главное, инсценировщик, и должен сказать, что поражен, как можно было из такой большой вещи соорудить такое компактное представление и такое личное, и такое трогательное. Я и сам раньше изумлялся о возможности инсценировки, но, не будучи и в малейшей степени драматургом, негражданином в многозначных лирических романах, и ничего у меня не получалось.

Не знаю, как это будет смотреться, но вещь по-лучилась.

Конечно, у меня есть несколько несогласий: что ли или, вернее, советом. Необходимо решить, что ли или, что ли, что ли, что ли Николай — Лавиния. Мне все ясно, но никто не поймет, что побуждало Николая предостеречь парочку. Она ему отказала! У вас есть намек, а рождается отклик крик ольб гетский. И второе: Александр совершенно лиричный, а еще — искаженный. Он был милок, он вернул Матвея. Это его отец рабил и мучил в гетском, и это очень трогательно.

Простите за дилетантские советы. Я не смог своевременно ответить, т.к. получил все это через отъезд в Израиль, и времени не оставалось.

Душе раду благодарю
С уважением
Б. Окуджава

